

Марджори Вейл

«Леди Джен – тайный агент эльфийского мира»

Книга первая. «Возвращение к солнцу»

Пролог

Чикаго, 2012 год

-А теперь, Гвиневра Фарчайлд, Максвел Уиллоу, Роман Бурлеску, выслушайте приговор, который вынес вам суд. - После монотонного, кажущегося нескончаемым чтения приговора, судья неожиданно встал во весь рост, нарушив дремотное оцепенение немногочисленных слушателей. - На основании изложенного и руководствуясь статьями ... суд приговорил признать виновными ... и назначить наказание ... в виде лишения свободы на двадцать лет.

Этого не может быть. Сердце иступленно забилося, заглушая слова, не давая им проникать сквозь пелену страха, парализовавшую мозг. Этого не может быть. Это неправда! Дженна обвела потрясенным взглядом зал. 78-летний судья Чарльз, опустив голову, продолжал читать, снова перейдя почти на шепот. Красавицы-жены приговоренных осоловело хлопали ресницами, должно быть, как и она, не веря в реальность происходящего. Из задних рядов послышался первый всхлип. И вдруг все разом заголосили, забыв о судьбе и бросаясь на шею друг другу. У двери засуетились охранники. Она почувствовала, как слабеют колени. Неужели это конец? Конец ее юности, ее жизни, ее надежд? Нет. Надо взять себя в руки. Из каждого положения должен быть выход. Безвыходных ситуаций не бывает. Тонкие пальцы девушки инстинктивно сжали талисман, который она, не снимая, носила на груди уже полгода – с тех пор, как неведомая сила привела ее в крохотный магазинчик, напоминающий волшебную лавку из «Тысячи и одной ночи», на тихой улочке Спрингфилда. Талисман изображал молот Тора (древнего скандинавского бога) - молот, разящий препятствия. Тогда он сразу притянул ее взгляд, и Джен купила его на последние, оставшиеся в кошельке деньги, просто повинувшись внезапному порыву. Любовно погладив поверхность молота, и крепко зажав его в руке, девушка ощутила привычное тепло. Тепло разлилось по всей руке, дошло до груди, принося ощущение покоя, вселяя надежду. Она больше не слышала ударов сердца – оно как-то сразу затихло, вернув себе привычный ритм. Еще через минуту страх, сковавший тело, отступил, и Дженна гордо подняла голову. Она невиновна и все еще жива, а настоящая справедливость рано или поздно восторжествует. Она будет бороться за свою свободу.

И да поможет ей Бог.

Глава 1

«Седьмая дева в год седьмой придет,
Из рода галлов, дерзка и горда.
Она злой рок от дома отведет,
И вместе с нею в дом придет вода.

Беда тому, кто деву оскорбит,
Беда тому, кто встанет на пути,
Ее любовь проклятье победит,
Погаснет солнце, чтобы вновь взойти.»

Англия, 1157 год

- В замке осталось запасов воды всего на два дня, милорд. Еще через два дня умрут младенцы и немощные. Потом наступит черед женщин. Они будут умирать медленно и мучительно, а мы... – Голос провидца сорвался на хриплый шепот.- Мы должны будем молча наблюдать все это, не в силах хоть чем-то помочь, хоть как-то облегчить их страдания.

- Хватит! – Сэр Алан Уинфред де Брей, третий граф Торктон, с размаху опустил кулак на отполированную до блеска столешницу. – Вместо того, чтобы ныть, мы должны искать выход, Малкольм. Безвыходных ситуаций не бывает.

Светло-голубые, на выкате, глаза управляющего упрямо блеснули, а сурово нахмуренные выцветшие брови окончательно сошлись на переносице, придав его широкому добродушному лицу комически-грозный вид.

- Выход есть, милорд. И вы сами прекрасно знаете, какой. С тех пор, как началась эта проклятая засуха, я только и твержу вам про этот самый выход, но вы и слушать ничего не желаете. А ведь это наш единственный шанс, милорд! Если мы его не используем, все обитатели замка погибнут, включая и вас, милорд! Как же вы будете потом смотреть в глаза своим предкам? Вы, по вине которого угас славный род Торктон? Прошу вас, подумайте еще раз и поезжайте за ведьмой, пока не поздно!

Черные с изломом брови его хозяина во время столь пылкой тирады остались на своем прежнем месте, как и каждый мускул мужественного, поражающего дерзкой красотой лица. Однако тяжелый взгляд еще более черных, неотрывно смотрящих на собеседника глаз и участившееся дыхание не оставляли никаких сомнений в том, что терпение графа почти на исходе.

- Если я услышу от тебя еще хоть одно упоминание об этой ведьме, ты лично отправишься за ней и ее колдовством! И не переступишь порог этого дома, пока вся земля в графстве по локоть не пропитается водой.

- Что ж, в таком случае я отправляюсь немедленно, сэра. – Вместо того, чтобы отшатнуться в испуге, как и следовало добропорядочному слуге, управляющий гордо выпрямился, постаравшись придать своей грузной фигуре наиболее торжественный вид. – Благодарю Вас за то, что оказали мне честь, доверив спасение Торктон-холла, милорд.

- Проклятье!- граф пространно и замысловато выругался. Разумеется, про себя, ведь лорду и рыцарю не полагается демонстрировать свои мысли слугам. Похоже, его угроза возымела прямо противоположный эффект, а ведь он так надеялся, что старик образумится и оставит эти дурацкие бредни, чтобы заняться, наконец, тем, что действительно могло помочь. Разумеется, сам он не признавал существование ведьм, колдунов и фей, которые, если верить простому люду, все время то осложняли, то наоборот облегчали этому люду жизнь. В отличие от своих подданных, граф Торктон верил только в то, что мог увидеть или потрогать своими руками. Но это были его люди, и он был готов мириться с их слабостями – до того момента, пока речь не заходила о семейной легенде, передававшейся из поколения в поколение обитателями замка в течение последних шести сотен лет.

Легенда гласила, что в год, когда древняя крепость галлов со всем ее гарнизоном пала под ударами саксонских мечей, а на месте ее разрушенных до основания стен были заложены первые камни нынешнего Торктон-холла, на только что завоеванные его предками земли пришла страшная засуха. За каких-то два-три дня на обширных полях сгорел полностью весь урожай, скот пал, высохли все реки и колодцы. У матерей пропало разом все молоко, и младенцы, надрываясь, просили еды, пока вконец не охрипли. Величайшие воины во главе с их предводителем беспомощно подпирали шатры, словно рыбы, выброшенные на берег безжалостной бурей и доживающие свои последние мгновенья, смиренно покорясь судьбе.

И вот, когда последний глоток воды был отдан умирающему, а иссушенные, обезумевшие от страха люди окончательно потеряли надежду, в шатер предводителя пришла колдунья. Никто не знал ни ее имени, ни откуда она явилась. Никто не мог определить ее возраст, ибо глаза ее таили знание, пришедшее из глубины веков, но лицо и тело были юны и настолько прекрасны, что смотрящий на нее долго мог ослепнуть. Колдунья провела ночь в шатре вождя и оставила предсказание. А утром пошел дождь, который лил, не переставая, семь дней. Реки наполнились водой и вышли из берегов, образовав озеро Сликлэйк, в котором с тех пор – если верить слухам - водились русалки и всякая нечисть. А еще через семь дней зазеленели поля – это погибшие от жары колосья нежданно-негаданно дали всходы. Свершившееся чудо объясняли тем, что колдунья понесла в ту ночь от предводителя, и древние силы устроили праздник в ее честь, даровав посевам вторую жизнь.

Говорили также, что предсказание было записано со слов вождя ученым монахом, и с тех пор свиток с пророчеством переходил в роду предводителя от отца к сыну. Однако простые обитатели замка каким-то образом узнали и выучили его слова наизусть, так что содержание свитка передавалось еще и устно, обрастая новыми и все более захватывающими подробностями.

Слова предсказания были предельно просты, но сколько не пытались разгадать их смысл, он словно бы ускользал, ставя толкователей перед выбором – прослыть простаками либо найти причину, почему этот текст истолковать нельзя. Как правило, все их усилия сводились к ряду вопросов, разрешить которые однозначно, по их разумению, не смог бы никто.

Никто, к примеру, не мог сказать точно, о какой воде и о каком солнце идет речь. Имелось ли в виду привычное светило и самая настоящая вода или это были иносказания о чем-то другом, менее доступном человеческому разумению. Стоит ли ожидать повторения напасти, приключившейся с захватчиками много лет назад, или Дева приведет за собой воды потопа? Погаснет ли настоящее солнце или под солнцем в переносном смысле следует понимать Его сиятельство графа, хозяина здешних земель? Возможно ли, что с приходом Девы нынешний граф погибнет, уступив место кому-то другому? Вероятность этого весьма велика, учитывая грозные строки пророчества и взрывной характер всех графов Торктон. Но, с другой стороны, кого же тогда полюбит Дева? Ведь она должна победить именно их, Торктонское проклятие, а не чье-то другое!

Единственное, в чем сходились почти все толкователи, касалось самой Девы – ожидаемая спасительница должна родиться в седьмом поколении от прямого потомка по женской линии «той самой ведьмы». Находились, правда, и такие, кто ожидал прихода семи разных Дев, но их никто особенно не слушал – ведь до сегодняшнего дня ни одна из Дев так и не появилась в замке. Так что сейчас все надеялись на рожденную седьмой по счету колдунью, ибо часть предсказания уже сбылась – шел 1157 год, и настал день, когда от воды стали зависеть их жизни.

Хозяин Торктон-холла тяжело вздохнул, титаническим усилием беря себя в руки.

- Не стоит благодарности. Но все же я до сих пор не могу понять, почему кто-то из нас должен за ней идти. Согласно предсказанию, это она должна придти в замок, разве не так?

- Так вы все-таки прочитали свиток, милорд! – В голосе управляющего послышалось плохо скрываемое торжество. В таком случае Вы должны знать, что нам нужна ведьма из рода галлов, а с тех пор, как Ваш дедушка, первый граф Торктон, и его славная армия прогнали их далеко на север, ни одной галльской души

здесь нет и в помине, за добрую сотню миль вокруг. Есть, правда, надежда на Вичмор, который Ваш дедушка со своим войском обошел стороной. Только даже если она и там - как ей оттуда добраться сюда, бедной девочке? Времена нынче лютые, кругом разбойники, а она, поди, и верхом-то ездить не умеет. Не ведьминское это дело, скажу я Вам, да и лошади их боятся. Милорд, у нас ведь все равно нет выбора. Раз она не может сама придти к нам, значит мы должны ей в этом помочь. Иначе мы все погибнем! Конечно, куда лучше было бы, если бы Вы лично отправились за девушкой...

У Алана поползла вверх правая бровь.

- Так ты уже не хочешь быть нашим спасителем, Малкольм?

- Ну, как бы это сказать, милорд. – По возрасту годившийся ему в отца, а размерами превосходивший графа чуть ли не вдвое, управляющий смущенно топтался на месте, напоминая мальчишку, не до конца выучившего урок. – Я-то, конечно, готов хоть сейчас, но силы уже не те. Да и уверенности нет, что она меня послушается, ведьма-то. Не обучен я с ними беседовать. Другое дело – замковый люд, хотя с ним тоже хлопот не оберешься, и надо держать ухо востро. Взять хотя бы Молли...

- Хорошо, хорошо. – Алан поднял правую руку в знак полной капитуляции, только бы остановить поток жалоб своего помощника. – Если до утра не пойдет дождь и за ночь не удастся пробить новый колодец, я отправлюсь на болота сам. А сейчас собери во дворе людей, которые еще в состоянии что-то делать. И приготовьте все лучшие инструменты – я скоро спущусь.

- Храни Вас Бог и святая Дева, милорд! - Обладая немалым опытом по части нрава своего хозяина, Малкольм поспешил ретироваться, попутно вознося хвалы всем Богам и святым, которых помнил.

Дождавшись, наконец, тишины, Торктон задумчиво опустил в кресло, сам не до конца понимая, как он решил ввязаться в подобную авантюру. Занавешенные тяжелыми портьерами высокие окна практически не пропускали лунный свет в его просторную, только что отделанную византийскими гобеленами спальню. Свечи в бронзовых канделябрах почти догорели, но его истерзанный заботами последних дней ум был рад хотя бы временной передышке, также как глаза радовались наступившей темноте - узкий просвет между шторами позволял видеть только совсем маленький кусочек ночного неба и треугольник из звезд, не входивший ни в одно из известных ему созвездий.

Что принесет ему завтрашний день? Успеет ли он доскакать до болот и найти колдунью? И, что самое важное, сможет ли колдунья, если она там, исполнить предсказание и спасти его людей от неминуемой гибели? Под влиянием какого-то необъяснимого порыва граф смотрел на звезды, адресуя все свои вопросы именно им.

Постепенно комната погрузилась во мрак, отчего свет звезд стал казаться ярче, а их рисунок – отчетливее. Несмотря на владевшие им тревожные мысли, Алан чувствовал, как мышцы его тяжелеют, а нервы невольно расслабляются, наполняясь приятным теплом, растекавшимся по всему телу. «Должно быть, я слишком сильно устал. Надо поспать хотя бы пару часов перед тем, как идти пробивать колодец». Граф попытался закрыть глаза, но звезды удерживали взгляд помимо его воли. Неожиданно звездный рисунок стал меняться, складываясь в знакомую ему фигуру из светящихся линий. Несколько секунд фигура, напоминающая очертаниями перечеркнутую петлю, дрожала и пульсировала на месте, а потом начала стремительно приближаться к окну, по пути разрастаясь в размерах. Не в силах пошевелиться или произнести хотя бы звук, Алан молча смотрел, как фигура, достигшая размером человеческого роста, легко прошла сквозь окно и остановилась прямо посреди комнаты, превратившись в сверкающий вращающийся конус. Вращение шло все быстрее, странная тяжесть давила все больше, вытесняя из головы все мысли, которые, подобно конусу, вдруг завертелись с невероятной скоростью. И вот, когда рыцарю стало казаться, что его череп сейчас не выдержит и разлетится на сотни мелких осколков, вращение прекратилось, и призрачный свет рассеялся. Перед ним стояла девушка, одетая в простое, без украшений, зеленое платье. И от одного взгляда на нее граф перестал дышать.

Глава 2

Чикаго, 2012 год

Тяжелая бронированная дверь с грохотом захлопнулась, и на нее с любопытством уставились восемь пар глаз.

- Здравствуйте, девочки.- Джен попыталась сказать это громко, чтобы все услышали, но вместо этого в абсолютной тишине камеры прозвучал чей-то сиплый шепот. Неужели, в довершение ко всему, она потеряла еще и голос?

- Проходи, садись.- Обложенная кучей одеял и подушек, чрезвычайно полная дама средних лет сделала широкий жест, приглашая ее к столу. – Как зовут? Какая статья? Рассказывай.

Дженна тихо представилась и присела на край скамейки.

- Да рассказывать особенно нечего. Статья тяжелая. Только я невиновна.

- Ну, это понятно. – Дама важно кивнула. – Мы все тут такие сидим. Ладно, выбирай себе шконку – вон четыре свободных – и разбирай вещи. Если захочешь дать чего на общак – клади на стол, остальное – под шконку. Закончив приветственную речь, дама с чувством выполненного долга вернулась к прерванному занятию – свалилась как сноп и уже через пять минут спала мертвым сном, тихонько похрапывая. Дженна с несчастным видом подтянула сумки к свободной нижней шконке, расстегнула первую и растерянно уставилась на ее содержимое, не зная с чего начать. После двенадцати часов пребывания в холодном «отстойнике» - крохотной неотопливаемой бетонной коробке с покрытыми инеем стенами – она чувствовала себя совершенно

разбитой. «Представляю, на кого я сейчас похожа и за кого меня принимают эти несчастные». Дженна с тоской оглядела своих новых соседок, но никто из них не ответил ей взглядом. Все занимались чем-то своим, и никто даже не смотрел в ее сторону - похоже, здесь никому и ни до кого не было дела. Она решила, что разберет сумки потом – благо что в камере стоял ужасный холод, и еда все равно не могла испортиться, - постелила выданное ей тонкое одеяло на холодные металлические перекладки, засунула сумки вниз, и прямо в верхней одежде последовала примеру толстой дамы, погрузившись в долгий тяжелый сон.

* * *

- Привет, подружка. Ты откуда?

Высокая, экзотической внешности брюнетка с томными газельими глазами и притягивающими взгляд формами уверенно расположилась за большим железным столом неподалеку от ее нового ложа. Дружелюбно поглядывая на Дженну, она неторопливо извлекала из огромной сумки и любовно складывала на стол съестные припасы, образовавшие в конце концов внушительную гору.

Не успевшая еще толком проснуться, но обрадованная хоть каким-то вниманием, Джен охотно поддержала беседу:

- Я из Чикаго. А ты?

- Я тоже. С запада. Да ты не бойся, у нас тут девчонки классные собрались – со скуки точно не помрешь. У тебя муж есть?

- Вообще-то нет.

- А жених или бойфренд?

- Ну... вообще-то был жених... «Интересно, захочет ли он теперь меня видеть, он ведь такой правильный».

Девушка тяжело вздохнула, чувствуя, как против воли к глазам подступают слезы.

- Ну-ну, ты это брось. У нас тут никто не плачет. Он дома или здесь? Его с тобой закрыли? – Брюнетка закончила, наконец, подготовку и теперь щедро намазывала маслом невообразимых размеров кусок батона.

- Вообще-то дома. А твой? – Смущенная таким непривычным натиском, Джен решила перейти в наступление.

- А у меня их трое! – Радостно сообщила брюнетка. – Один дома. Другой в Сан-Квентине, третий здесь. Сало будешь? Присаживайся, чаю попьем.

Кусок батона меж тем украсился колбасной нарезкой, сыром и огурцом. Должно быть, сало предполагалось вприкуску. Несмотря на сжимающую сердце тоску, Дженна вдруг остро ощутила голод.

- У меня есть чипсы и крекеры. – По примеру своей новой знакомой она начала вынимать из сумки печенье, и все, что успели передать сослуживцы.

- Притормози, подруга. – Брюнетка царственно подняла руку. – Ты же не хочешь, чтобы весь твой хавчик смели за один день. Они здесь как чайки – только увидят, сразу клюют. Давай-ка лучше сегодня я угощу тебя, а завтра – ты меня, идет?

- Хорошо, как скажешь. – Джен послушно стала убирать продукты обратно. – Но хоть зефиром тебя угостить можно?

Брюнетка расплылась в довольной улыбке. – Зефиром можно, я его обожаю. Меня, вообще-то, зовут Квинси. А тебя?

- Гвиневра. Дженна. Можно просто Джен. – После непродолжительных раздумий девушка решила не уточнять, что ее отец, ученый-историк, в душе был романтиком и назвал дочь в честь возлюбленной короля Артура.

- Ну и ну. Ты англичанка, что ли? Имя у тебя странное. Но Джен сойдет. И, кстати, если хочешь, можем держаться вместе, ты мне подойдешь.

Джен оставалось только кивнуть головой.

Первая неделя ушла у нее на адаптацию к местным порядкам. Потом потекли унылые серые дни, почти не отличающиеся один от другого. Жизнь в тюрьме кое в чём походила на жизнь в общежитии – те же очереди к раковине и в душ, те же дежурства, те же правила совместного выживания в плотно населенном людском муравейнике. Правда, в отличие от «общаги», здесь бесплатно кормили и меняли простыни. С другой стороны, расплатой за еду и постель были жесткий режим, отсутствие свободы и света – тюрьма была специально построена так, чтобы ни один солнечный луч не проник в камеры заключенных. Говорили, это один из видов наказания преступникам, придуманный больше ста лет назад. Что поразило Дженну сразу, как только к ней вернулась способность мыслить, - это то, что никто из арестантов не выл, не возмущался, не лил горькие слезы. Никто из адвокатов (судя по рассказам узниц), ничего особо не делал, чтобы помочь им вырваться из этих стен. Будто сговорившись, все – и защитники, и следователи, и даже сами арестанты - воспринимали нахождение этих бедняг в Куке как само собой разумеющееся, хотя газеты частенько писали о разных ошибках, а также о том, что под арестом вместе с преступниками нередко содержатся невинные люди. Может, причина их непонятного спокойствия кроется в самом этом месте? И это каменные стены делают людей такими инертными, покорными обстоятельствам и почти невосприимчивыми к горю?

Сама Джен спокойной себя не чувствовала. В бесконечно долгом ожидании рассмотрения ее апелляции, изо дня в день видя одни и те же серые стены, она горячо сочувствовала своим сестрам по

несчастьем и часто предлагала посильную помощь, так что очень быстро подружилась с большинством соседок по камере. Ее новой, самой близкой подругой стала Квинси – наполовину гречанка, наполовину цыганка по происхождению, настолько же опасная для мужчин, насколько открытая и добродушная с женщинами. Вечером после проверки, когда жизнь в камере затихала, они по очереди залезали друг к другу на шконки, делились женскими секретами, мечтали о справедливости и идеальной любви и обсуждали планы на будущее, которое обязательно наступит, когда весь этот кошмар закончится.

В один из таких вечеров, когда за окном еще были видны отблески закатного солнца, низко – к дождю – летали птицы, и сердце щемило от невыносимой тоски, Джен, под впечатлением от только что перечитанной «Алисы в стране чудес», призналась:

- Знаешь, раньше я мечтала стать птицей, чтобы улететь отсюда далеко-далеко. А теперь даже не знаю. Птицей ведь на всю жизнь не останешься, а станешь опять человеком – и сразу придут ОНИ. И тогда будет опять то же, снова в тюрьму. Нет. Я, пожалуй, выберу Зазеркалье. Или параллельный мир, где царит справедливость.

- Ты не одна об этом мечтаешь. – Квинси томно вздохнула и бросила на Джен один из своих загадочных взглядов. Знаешь, я тут уже восемь месяцев, и за это время разного понаслушалась. Так вот. В камере, где я была раньше, говорили, есть один способ, только на него не каждый отважится. Да и расплата за это немалая.

- О чем ты говоришь? Какой способ? – Джен тут же встрепенулась, внезапно почувствовав прилив энергии – вечернюю дремоту и тоску будто рукой сняло.

-Ну... вообще-то я точно не знаю. С ними сидела девчонка, которая будто бы вызвала Мастера Снов. На следующее утро ее повели к следователю, а обратно она так и не вернулась.

- Так, может, следователь ее отпустил? Или помог сбежать? Помнишь ту статью в «Таймс» про влюбленную следовательшу?

Квинси презрительно фыркнула и глянула на подругу, распахнув еще больше и без того огромные, в пол-лица, глаза.

- Тогда, как и сейчас, зима была, а ушла она в легком спортивном костюме, вещи все здесь остались. Это в старые времена люди бросали вещи и уходили из тюрьмы, в чем есть. Сейчас все по-другому – каждый за свою сумку удавится. Да и глупо идти раздетой по морозу, когда здесь шмотье на вешалке. Что же касается побега... Ты хоть представляешь, какой бы тогда поднялся кипиш*? Всю тюрьму бы на уши поставили и каждый день по три шмона* устраивали. А тогда все прошло очень тихо. Никто ее не искал, никто не спрашивал. Вещи потом потихоньку девчонки растащили. В общем, был человек – и нету. Как говорится, ..

- Подожди, подожди, – нетерпеливо перебила Джен, предвидя очередной поток народной мудрости, которой любила блеснуть подруга. – А как же проверки? Ведь они должны были заметить, что одного человека не хватает в камере!

Ответом ей был еще один томный вздох.

- Не знаю, не знаю. Самой-то меня там не было. Но девочки говорили, что никто на проверке ее не хватился. Ты же знаешь, как это бывает – дежурная доложила, сколько в камере человек, охранники сделали вид, что считают. Никто никого не искал. Вопросы не спрашивал. А потом их расселили по разным хатам, и задавать вопросы вообще стало позднью. Хотя, если честно, я думаю, дело не в этом. Скорее всего, они просто боялись. И до сих пор боятся.

-Боятся кого?

-Мастера Снов, конечно, кого же еще? Это должен быть очень крутой мужик, если люди по его желанию вот так запросто исчезают.

-Хорошо, но как они вообще про него узнали? Им сама эта девочка рассказала? – Теперь уже Джен твердо решила, что не заснет до утра и не даст спать Квинси, пока не вытянет у нее все до мельчайших подробностей. Впрочем, словоохотливая красавица несколько против этого не возражала.

-Думаю, что да. Как же еще? Лично мне рассказала все Лиз, но она уже дома. У них там, правда, еще Вик осталась. Она здесь уже три года, и вся эта история при ней приключилась. Вообще-то, она не любит об этом болтать, но, если хочешь, я зайду на нее, как дорогу* поставят, и попрошу лично. Тогда сама с ней и пообщаешься.

Джен нетерпеливо заерзала по шконке, чувствуя, что завеса тайны вот-вот приоткроется. – До дороги еще целых два часа. Я столько не выдержу. А что тебе еще рассказала Лиз?

-Ты хочешь подробности?

- Разумеется! Как эта пропавшая девочка встретила с Мастером Снов?

- Дай подумать. – Квинси неторопливо прикурила тонкую коричневую сигаретку, распространяя вокруг аромат вишневого дерева, и сделала до смешного сосредоточенное лицо.

-Ну конечно! – Девушка всплеснула руками, от волнения рассыпав пепел на одеяло, но никто из подруг этого даже не заметил. – Как же такое можно забыть! Он ведь Мастер Снов! Значит, и пришел к ней во сне!

- Во сне...- Джен мечтательно отвела глаза и уселась в свою любимую позу – согнула ноги в коленях и, положив сверху руки, уперлась в них подбородком. – Но ведь он приходит не ко всем, правда?

- Думаю, что да. Во всяком случае, никто из нас его не видел.

- А чем отличалась от вас та девочка?

- Хороший вопрос. - Квинси понимающе усмехнулась. – Только я тебе на него не отвечу. Не забывай, подруга, что меня при этом не было. И девочку ту я в глаза не видела. Дождись лучше дороги – тогда все и узнаешь.

- Легко сказать, дождись. А какой он хотя бы из себя, Мастер Снов, ты знаешь?

- Не в деталях. Слышала только, что очень красивый мужик. Вот что, давай-ка мы с тобою поедим. А пока будем готовить, и время быстрее пойдет.

Еда была для Квинси если не смыслом всей жизни, то, по крайней мере, одной из основных составляющих. Пытаться оторвать ее от еды – что бороться с цунами. Подчиняясь неизбежному, Джен покорно отправилась жарить колбасу с помощью железной миски и запретного кипятильника, однако никто не мог ей запретить предаваться мечтам во время этого скучнейшего из занятий. «Интересно, на кого он похож? На одного из греческих богов или средневекового мага?» Из богов девушке очень нравился Арес – жгучий брюнет со стальными мускулами,двигающийся с грацией хищного зверя – во всяком случае, таким он предстал в ее любимых сериалах про Геракла и Зену-королеву воинов. С другой стороны, образ волшебника Мерлина тоже будил в ней мечты – благодаря новому сериалу ВВС, а также ощущению причастности, неизменно испытываемому ею при погружении в очередную книгу или серию фильма.

Не придерживаясь никакой религии, Джен, тем не менее, твердо верила в реинкарнацию, а также в то, что в прошлой жизни она была волшебницей, обитавшей где-то на британских островах. Этим она объясняла свои врожденные способности к языкам и удивительный дар, позволявший ей с абсолютной точностью определять: говорит ее собеседник правду или лжет, съедобен или нет тот или иной продукт и каков он на вкус. Точно также она «читала» камни, предметы из металла и кристаллы – какой из них «живой» и заряжен энергией, а какой бесполезен или даже несет в себе зло. Не умея в буквальном смысле этого слова читать мысли других людей, она могла безошибочно предсказать, что сделает или скажет сидящий перед ней человек в обозримом будущем, основываясь на его эмоциональном состоянии и уровне интеллекта – каким-то образом она воспринимала эту информацию, стоило ей только открыть свой мозг. Животные, обладающие от природы таким же чутьем, относились к Джен как к своей и легко принимали ее волю. Однако девушка никогда не использовала свой дар для забавы, и уж конечно, не злоупотребляла им. Даже если очень хотелось наказать обидчиков. Например, тех, кто ее сюда определил. Дженна тряхнула головой. Об этом нельзя даже думать! Пусть их судит Бог по своей справедливости. Ей же нужно лишь найти способ выбраться отсюда. Не много и не мало. И, желательно, навсегда.

Джен нетерпеливо щелкнула пультом, определяя время. До начала «нелегальной межкамерной связи», иначе именуемой «дорогой», оставалось еще полчаса. Ее неутомная подруга меж тем создавала только что изобретенный шедевр кулинарного тюремного искусства. На тонкий армянский лаваш укладывался свежеподжаренный кусок колбасы, сверху располагался пласт сыра, который присыпался зеленью и орошался кетчупом и майонезом, после чего лаваш заворачивался со всех сторон, и сооружение скатывалось в трубочку. Секрет операции заключался в ее скорости – если проделать все достаточно быстро, колбаса не успевает остыть, и за счет ее тепла расплавляется сыр. Так что в результате вкус изобретения напоминает пиццу.

Наслаждаясь почти домашней едой и разговором с подругой, Джен то и дело поглядывала на окно. Скорей бы. Теперь ей казалось, что даже в суде время не тянулось так медленно. Наконец, одна из девушек подошла к оконной решетке. Раздался условный стук, и «дорожница» взялась за работу. Значит, через минуту в камере будет телефон. «Слава Богу! Только о чем я ее спрошу? Вот дуреха. И как я не подумала об этом раньше?»

- Иди, подруга. Только недолго, а то мои кавалеры там заждались!

Джен радостно схватила трубку.

- Алло! Викки, привет! Меня зовут Джен, я соседка Квинси. Можно тебя кое о чем спросить?

- Говори. – Раздался до предела лаконичный ответ.

- Собственно, мне нужна информация. Если поможешь, я буду очень благодарна тебе со всеми вытекающими, понимаешь? – Практичная Джен уже успела освоиться в тюрьме достаточно, чтобы знать, что здесь в ходу натуральный обмен, а в качестве средства платежа выступают сигареты, кофе и чай.

- Я не информатор, - отрезала собеседница.

- Подожди, подожди! Я совсем не то имела в виду. Просто мне очень нужно узнать, как можно вызвать Мастера Снов.

- Ни ... себе! А ты хотя бы представляешь, во что это может тебе обойтись?

- Вообще-то нет. Но мне правда очень нужно! Помогите!

Некоторое время в трубке молчали. Потом послышался вздох.

- Ну ладно. Мое дело - сторона. Сама-то я на такое ни за что не пошла бы. В общем, ты, наверное, слыхала от Квинси про Мэг, которая от нас ушла и не вернулась. Так вот, она перед тем трепалась, что Мастера Снов надо вызывать ночью, при полной луне. Она еще дала нам переписать какие-то детские стишки типа считалки. Только я их так сразу не найду – надо в сумке порыться.

Дженна почувствовала, как сердце ее подпрыгнуло и понеслось вскачь – сегодня было как раз полнолуние.

- Викки, солнышко! Ну пожалуйста, поищи их прямо сейчас! Я пришлю блок «Мальборо», если найдешь!

В трубке еще раз вздохнули. -Ладно. Попробую. Если чо - будь на связи.

- Спасибо, Вик! – поблагодарила Дженна, но ее уже никто не слышал.

Дальше потянулось ожидание, время от времени скрашиваемое умопомрачительными репликами, исходящими от Квинси в адрес «женихов». Джен не уставала восхищаться многочисленными талантами подружки – мужчины тянулись к ней, как подсолнухи к солнцу, и, несмотря на все свои подвиги по тяжким статьям, быстро становились в ее руках мягкими и послушными, словно котятка. «Ей бы дрессировщицей в цирк идти работать, укрощать диких зверей, а они в тюрьму такой талант посадили.» В отличие от Квинси, у Джен не было роковой внешности, и, хотя черты ее лица были довольно приятны, а фигуре и ножкам могли позавидовать некоторые голливудские звезды, с мужчинами ей катастрофически не везло – ее излишняя ученость и странные способности, как правило, всех пугали, а те, кто восхищался ее прекрасной душой и светлым умом, через несколько дней (в лучшем случае месяцев) уходили к бездушным и пустоголовым красавицам. Вот и Анджей ее бросил, едва столкнувшись с первой же трудностью. И почему она не родилась такой как Квинси? Сногсшибательно красивой и умеющей радоваться жизни даже в тюрьме. Бабушка, которая ее вырастила, часто говаривала: «Не отчаивайся, у каждого человека есть своя половинка. Ты просто свою пока не нашла. Но он тебя тоже ищет – твой принц, и обязательно найдет, вот увидишь». Где же сейчас ее принц? Да и есть ли он вообще в этом мире?

- Джен, это тебя, - остановил ее безрадостные размышления возглас подружки. – Только давай побыстрому, меня на самом интересном месте прервали.

-Как скажешь! – Дженна от радости чмокнула Квинсу в щечку, выхватывая «трубу».

-Ну слушай, Дженни, так ведь тебя зовут? – произнес уже знакомый осипший - очевидно, от непрерывного курения - голос.- Все сумари из-за тебя перерыла, так что с тебя причитается.

-Само собой! Сейчас все упакую и отправлю. Ну давай же, Вики, читай!

-Э нет. Знаешь, я тут подумала... А вдруг ты его сейчас вызовешь и улизнешь, а я тут с голяком останусь. Давай-ка ты лучше отправь бандяки* на мою хату, а я, как все получу, пошлю тебе мультку* стремом*. Она за десять минут дойдет.

«О Боже! Дай терпения!» Джен крепче стиснула зубы и кулаки, чтобы не сорваться.

- Хорошо. Но как я узнаю, ты нашла действительно то, что мне нужно? Прочитай хотя бы пару строк.

Вики хмыкнула.

-Ну ладно, слушай:

«Мастер снов, за мной приди,

Когда виден диск луны,

И с собою уведи

В царство грез и тишины».

Остальное я на бумажке напишу. А еще лучше - вышлю тебе эту. Мне она ни к чему.

-Отлично. А что это за страшную плату надо заплатить тому, кто его вызовет? Тебе Мэг не говорила?

- А это извини. У него сама и спросишь. Единственное, что я слышала – плату он назначает каждому свою, всем разную то есть. А толком про это никто ничего не знает.

- Ну ладно, спасибо и на том. Да! Последний вопрос! Она стихи эти вслух или про себя читала? И в какое время ночи?

- Ты ученая, да? Сразу видно, деталями интересуешься. Только что я могу сказать? Чтобы она это вслух читала – мы не слышали. Но ты же сама знаешь, как иногда ночью в хатах шумят. Может, она и бубнила что-то себе под нос. Мы-то сами во всю эту чепуху тогда не поверили. Все шло как обычно. А утром ушла наша Мэг на следственку – и с концами.

- И охрана ее не искала?

- В том-то и дело. Никто за нее даже не спросил. У нас тогда хата как раз без присмотра осталась – Дези - смотрящая - освободилась, а кроме нее никто с охранниками не общался. Ну а пока то да се, раскидали нас по новым хатам, и за Мэг как-то все позабыли. Девчонки сначала думали, что она прямо со следственки на подписку ушла, а вещи решила здесь бросить. Мало ли – может, ее хахаль под тюрьмой дождался. Только потом кто-то с ее поделниками общался, а те говорят -ни на какой подписке ее нет, и вообще нигде нет. Тогда мы и вспомнили про Мастера Снов, ведь вышло, что все это правда? Хотя и не верится до сих пор. В общем, мы тут в хате все обсудили и решили копам вопросы не задавать, а если нас спросят – мы не при делах. Ну и вообще поменьше об этом трепаться, потому как с типами вроде этого Мастера лучше не связываться. У нас же у всех дети – а ну как он за длинный язык к себе утащит или еще чего сделает? Я и тебе все это рассказываю только потому, что ты с Квинси хлеб вместе ешь, а к ней у нас полный респект и уважуха, вот так-то. Ну ладно, давай закругляться. Короче, жду от тебя бандяки, а потом сразу высылаю стрем, так что лови. Смелая, скажу, ты девка, если и впрямь на такое решилась. Ну давай! Фарту тебе!

-Спасибо! Тебе тоже! – Джен отдала трубку Квинси, а сама кинулась по памяти записывать четверостишие. Так, готово. Теперь осталось запаковать сигареты и получить «стрем». От волнения руки плохо слушались, так что пришлось просить о помощи Квинси. Вместе они справились довольно быстро. И так же быстро, как и обещала Вики, пришел ответ – в аккуратно запаянной золотистой «мультке». С замираньем сердца Дженна вскрыла пленку и развернула листок. Там было еще два четверостишия и постскриптум: «Все дома. Удачи! Вик». Она еще раз поблагодарила подружку и мысленно – Вики, а потом, забравшись на свою постель, принялась изучать текст.

Поначалу слова заклипания вызвали у нее лишь слабую безотчетную тревогу, но чем дольше она повторяла их про себя, стараясь запомнить, тем больше пугала ее предстоящая ночь. Только пути назад уже не было – Джен понимала это всем своим существом. Как человек практический, она перебрала свои вещи и

аккуратно разложила по сумкам. Выпила чаю с Квинси – не услышав ни слова из всего, что говорила подруга. Полная луна уже вышла из-за горизонта и теперь медленно продвигалась к зениту, неся надежду и питая страх. Ну что ж, чему быть, того не миновать. «Как только она поднимется и пересечет первую решку*, я буду готова».

* * *

«Мастер снов, за мной приди,
Когда виден диск луны,
И с собою уведи
В царство грез и тишины!
Боль свою оставлю здесь,
Чтоб вовек о ней забыть,
Кровь свою оставлю здесь,
Чтоб вовек не полюбить.
Пусть придет скорее сон,
Тот, что мертвых оживит,
Разорвет он цепь времен,
И меня освободит!»

Девушка лежала на спине, с головой укрывшись одеялом и сжимая в руке оружие Тора. Губы шептали заклинание, произнося его уже в третий раз. Одновременно в возбужденном мозгу проносились мысли, одна нелепее другой. «Что, если он заберет меня прямо сейчас, а у меня завтра дежурство, догадается ли кто получить хлеб? А вдруг в той стране, где он живет, нет мармелада? Может, надо взять с собой образец? И мне уже давно пора к парикмахеру. Как я смогу показаться Мастеру в таком виде? Интересно, сколько раз нужно прочесть заклинание?». Внезапно Дженна почувствовала, что катастрофически быстро погружается в сон – будто кто-то щелкнул у нее в голове выключателем, и все мысли разом исчезли. Сон окутывал ее со всех сторон приятным теплом, превращая тюремную постель в роскошную перину, а струившийся из окна лунный свет мягко ласкал ее тело, непостижимым образом проникая сквозь груды одеял и одежду. Так же мягко, словно бы ниоткуда, перед нею возник смутный мужской образ, постепенно принимающий вполне реальные очертания.

Высокую и стройную фигуру мужчины окружал зеленый развевающийся плащ, чья светящаяся в темноте ткань отбрасывала золотистые блики на его загорелое, с абсолютно правильными чертами лицо. Длинные светлые слегка волнистые волосы были зачесаны назад, открывая высокий лоб и привлекая внимание к его удивительным глазам. Они имели очень красивый густой оттенок тропической листвы в предвечерних сумерках и в то же время были совершенно прозрачны – как воды лесного озера высоко в горах, куда глядят, отражаясь, звезды и столетние великаны.

- Ты звала меня. Чего ты хочешь? – Раздался певучий баритон, похожий тембром на тихий рокот подземной реки. И еще на ветер, затерявшийся в непроходимом лесу.

- Мне нужна Ваша помощь, Мастер. - Услышала она, словно со стороны, дрожащий испуганный голос.

Незнакомец кивнул, а таинственный взгляд скользнул вглубь ее мыслей, с любопытством знакомясь с их содержанием - Джен это чувствовала и, как ни странно, ей было приятно – будто после долгой болезни она, наконец, оказалась в руках заботливого и опытного врача.

- Вижу, ты хочешь уйти, - сообщил ветер. - Вижу, никто и ничто не держит тебя здесь – у тебя не осталось ни друга, ни родича, которому ты была бы мила после того, что случилось. Я могу дать тебе то, что ты хочешь. Вопрос в том, на что ты готова пойти, чтобы стать свободной?

«Чтобы снова стать свободной, я готова на все, - подумала девушка, -если, конечно, это не причинит вреда другим людям».

Пришелец снова кивнул, все также не сводя взгляда с ее лица.

- У тебя большое сердце, и ты чутко различаешь добро и зло. То, что ты импат, очень хорошо для моего мира. Хотя, с другой стороны, тебе придется нелегко, выполняя миссию.

Было очевидно, что ее мысли он читал, как открытую книгу.

- Вообще-то я не из тех, кого могут испугать трудности. А что это за миссия? Вы можете мне сказать? – беззвучно обратилась к нему Джен, решив, что произносить слова вслух ни к чему.

- Ты все узнаешь в свое время, - заверил незнакомец своим обволакивающим, проникающим в каждый уголок ее сознания голосом. - А сейчас отдыхай, силы тебе понадобятся. Я приду за тобой завтра. Прощай.

После этого черты лица Мастера стали расплываться, свет от плаща померк, и образ его растворился в темноте столь же стремительно, как и возник. «Он сказал: «Прощай». Как странно. Ведь было бы правильнее сказать: «До свидания», разве не так? Кажется, я тоже начала превращаться в Алису». С этой потрясающей мыслью узница мгновенно уснула.

* * *

- Фарчайлд, на выход, без вещей.

«Ну наконец-то». С раннего утра Джен не находила себе места. В качестве дежурной она уже перемыла все в камере, навела порядок в «общаке» и в душе. Успела выкупаться и позавтракать. Дважды причесалась. Дала последние напутствия Квинси и «завещала» ей все оставшееся имущество – на случай, если они больше не увидятся. И теперь сидела, уставившись в книжку и не видя букв.

- Одну минуту, сэр!

Джен подскочила, как ужаленная, и бросилась целовать подругу под недоуменным взглядом охранника. Потом, наспех накинув на себя легкую куртку, она вылетела из камеры, бросив еще один теплый взгляд на Квинси и ласково махнув ей рукой. В сердце узницы пела надежда. Она шла навстречу неизвестности с открытой душой и в праздничном настроении, не замечая лестниц и переходов, которыми вел ее офицер. Они спустились в именуемое «следственной» полуподвальное помещение, где арестанты встречались со следователями и адвокатами, прошли мимо ряда застекленных дверей и подошли к «отстойнику».

- Подожди здесь, тебя позовут. – С этими словами охранник запер за ней дверь и протопал тяжелыми сапогами дальше. Сняв с себя куртку и постелив ее на узенькой короткой скамейке, Дженна уселась и принялась ждать. Но через минуту не выдержала и вскочила. «Может быть, надо снова прочесть заклинание?». В памяти всплыли заученные наизусть слова, которые она теперь вряд ли когда-нибудь забудет.

Нет. Он же сказал, что придет за ней сам. Да и луны здесь не видно. Дженна с тоской оглядела унылые серые стены «отстойника», исписанные любовными, и не только, посланиями одних арестантов другим. Чтобы хоть чем-то себя занять, она принялась читать все подряд, пока не дошла до очень странных строк:

«Тот родится к жизни новой,
Кто с любовью примет смерть.
Ждет свободных край суровый –
Тех, кто должен умереть».

Холодные щупальца ужаса поползли по ее спине и сдавили грудь, когда до сознания дошел смысл этих слов. «Нет, он не может так со мной поступить. Он говорил о какой-то миссии, а не о смерти. Эти строки наверняка не имеют ко мне отношения». Но, несмотря на вполне разумные, логически верные выводы (по части которых Джен считалась настоящим экспертом) страх становился все сильнее – по мере того, как тянулись минуты, и меркло освещение в холодной камере. По тюремным правилам, в «отстойнике» всегда должна гореть лампа. Но именно в этом она куда-то исчезла – или ее заволокло серой дымкой, идущей от стен. Вскоре девушка уже ничего не могла увидеть из-за плотного тумана, невесть откуда взявшегося в этой норе. Она хотела уже позвать на помощь, когда от стен полилась тихая музыка – звучали флейта и барабан, многократно выводившие одну и ту же мелодию. Или это была не флейта, а какой-то другой, более древний духовой инструмент? Мелодия была прекрасна, но от ее постоянного повторения и монотонного ритма у девушки начала кружиться голова. В то же время узница вдруг обнаружила, как у нее еще более обострились все чувства. В частности, на фоне музыки она слышала удары своего сердца так, будто оно было гигантским молотом или проходящим мимо составом. А у окружавшего ее тумана появился пьянящий запах, чем-то напоминавший сирень. Изумленная, она хотела потрогать стену, чтобы проверить чувствительность пальцев, но – о, Небо! - никакой стены перед ней больше не было! И вокруг нее тоже. Был туман. Была музыка. И была приятная легкость в возбужденном, сверхчувствительном, ставшем почти невесомым теле. Из тумана послышался голос, по которому она тут же узнала его обладателя.

- Ты готова к перерождению. Готова ли ты служить мне, когда получишь новую жизнь и новое тело? – Так же как и в прошлый раз, Мастер медленно возник перед ней из тумана. «Совсем как чеширский кот», - неожиданно весело подумалось девушке. Несмотря на таинственную обстановку и пугающее неизвестностью будущее, у нее вдруг появилось на редкость легкомысленное настроение.

- Здравствуйте, Мастер! – Игриво улынулась она прищельцу. – И в чем же, если не секрет, будет заключаться моя служба?

Джен и сама не смогла бы объяснить, почему отважилась на такую дерзость. Однако Мастера ее поведение, похоже, нисколько не удивило. Словно диктор вокзала, сообщающий пассажирам о прибытии очередного поезда, он четко и бесстрастно произнес:

- Ты станешь хранительницей и проводницей Силы. К сожалению, людей с таким даром, как у тебя, остается все меньше. И, к еще большему сожалению, люди – это единственная прослойка, способная поддерживать равновесие между подземным и невидимым мирами.

- То есть между добром и злом?

- Не все так просто, девушка. В подземном мире, конечно, много зла, но основное отличие - точнее, сущность – его в том, что он целиком материален и управляется страстью. В отличие от его обитателей, жители невидимого мира – например, эльфы – порождения воздуха и света. Хотя и они могут в случае надобности принять телесную форму, их обычное состояние нематериально, а значит, не требует ни пищи, ни крова, ни дорогих украшений. Поэтому у нас нет чувств – таких, как любовь и ненависть, гнев и страдания, алчность и зависть. А всеми нашими поступками управляет разум.

- Значит, Вы – эльф.

- Я – один из повелителей невидимого мира. Вы же, люди, точнее, некоторые из вас, несете в себе качества сразу двух миров. Вы обладаете разумом, как мы, но в то же время являетесь рабами своих страстей, порождаемых телом. Как тебе должно быть известно, носителем и проводником Силы может быть только Совершенный Разум. Твой разум далек от совершенства, но с ним можно работать – у импата он полностью

открыт, как и все чувства. Вот, правда, с чувствами придется что-то делать. Хотя и они со временем подчинятся Силе. - Мастер помолчал, словно задумавшись.

- Я все еще жду твоего ответа, девушка.

- А разве у меня есть выбор, Ваше Величество? – Последнее слово Джен произнесла с вопросительной интонацией, не зная, как правильно обратиться к собеседнику. В книгах по магии (с помощью которых она пыталась постичь свои способности) было написано, что эльфы никому не открывают своих имен, потому что истинное имя, произнесенное трижды, дает власть над существом из невидимого мира. Но было ли это так на самом деле?

- Это правда, - заверил ее Мастер, как обычно без спроса вторгаясь в ее мысли.- Но на самом деле выбор у тебя есть. Ты можешь вернуться обратно, забыв навсегда о встрече со мной. Или можешь уйти в другой мир, приняв другое тело и поклявшись вечно служить мне и моему народу.

- Разве встречу с Вами кто-то сможет забыть? «Да и что меня ждет в моем мире? Годы в неволе, в нечеловеческих условиях, после которых я уже никому не буду нужна. Хотя... Я ведь еще не видела другого мира. Эльфийский народ, если верить книгам, – веселый, увлеченный искусствами и безобидный. Но что значит «служить вечно»? Вдруг я никогда больше не увижу человеческого лица? Или, что еще хуже, меня заставят совершать какие-нибудь мерзкие, отвратительные поступки». Мысли девушки лихорадочно заметались в поисках верного для нее решения. Хотя желание последовать за Мастером уже охватило ее и росло с каждым вздохом.

- Если ты надумаешь остаться, все воспоминания о нашей встрече уйдут из твоей памяти. Что же касается твоих опасений... Не беспокойся, ты будешь жить среди людей, хоть и в несколько иных условиях. Зато обретешь тело обольстительнейшей из женщин и способность проникать в чужие мысли также легко, как это делаю я. О твоей миссии мы поговорим позже. А сейчас ты должна просто поверить мне на слово, что в твоей службе нашему миру не будет ничего недостойного или предосудительного. Ты сохранишь свою честь, о которой так сильно печешься – по крайней мере до тех пор, пока это не перестанет иметь для тебя значение.

- Моя честь всегда будет иметь для меня значение! – Вскинулась Дженна, гордо подняв подбородок и распрямив плечи. – Но, если вы даете слово... - В тех же книгах неоднократно упоминалось о том, что эльфы никогда не лгут. – Я согласна пойти с Вами и служить Вам по мере своих возможностей. Вы ведь позаботитесь о моей безопасности? – На последнем слове голос Дженны затих, потому что она вдруг снова ощутила волну ледящего страха.

Но что это? Ей показалось, или на бесстрастном лице эльфа действительно промелькнула улыбка?

-Скоро ты сама сможешь позаботиться о своей безопасности, и тебе вряд ли понадобится защитник. Но у нас мало времени. Идем.

Описав светящуюся радугу полою плаща, Мастер раскинул руки, как бы приглашая Дженну в свои объятия. Острое, непреодолимое желание оказаться именно в этих объятиях толкнуло ее вперед, и на удивление сильные мужские руки сомкнулись вокруг девушки вместе с плащом. Окутанная ароматом вереска и свежераспустившихся дубовых листьев, смешанным с запахом грозы и какого-то еще, неведомого ей растения, согретая теплом и властной силой, исходившими от очень мужественного, хоть и немужского тела, Джен начала быстро погружаться в затягивающий ее темный бездонный круговорот.